

Э. А. Орлова

Ситуация в области изучения культуры в России

В досоветский период в России познание культуры по качеству и формам мало отличалось от мирового уровня, а его направленность была обусловлена теми же факторами. В библиотеках страны хранится неосвоенное наследие отечественных авторов, уделявших специальное внимание изучению культуры, а также отнюдь не только философскому, но и на уровне позитивного знания.

Современная мода на русскую религиозную философию и культурную эссеистику обусловила стереотипное представление о том, что именно такие подходы к изучению культуры были характерны для России в прошлом и остаются специфичными для нее теперь. В действительности это далеко не так, в дореволюционной России рациональное изучение культурных феноменов было многонаправленным. Среди исследователей того времени (как указывают изыскания сотрудника Российской институт культуры А. Трошина) можно выделить эволюционистов, позитивистов, неокантовцев, неогегельянцев. Сильна была и эмпирическая струя: наряду с профессиональной этнографией широкое распространение имели краеведческие движения, иницируемые и поддерживаемые образованными дилетантами (история таких движений нашла отражение в многочисленных трудах РИК в рамках подразделения, руководимого Э. А. Шулеповой). Соответственно, к началу XX века в России складывались предпосылки для формирования научного направления в изучении культуры. Однако сам этот процесс был вынужденно заторможен на долгие десятилетия.

Советский период до второй мировой войны. После установления Советской власти социально-научное познание в России начало сворачиваться, что было обусловлено следующими основными факторами.

Политические факторы. Этот период характеризуется возвращением социокультурной жизни к традиционным имперским канонам, восстановлением авторитарной формы государственного управления с усилением олигархических тенденций, сокращением объема международных связей России, ее геополитическая позиция становится источником постоянных внешнеполитических напряжений. Обостряются проблемы укрепления отношений между союзными республиками внутри СССР. Такая консервативно-имперская реакция на общественные беспорядки, порожденные первой мировой войной, и социально-экономический и политический кризисы в стране усилили насильственные интеграционные процессы.

В такой ситуации характерная для культурной антропологии тематика многообразия и самоценности различных культур не представляла интереса для политического руководства страны, а достоверное знание о механизмах сохранения культурной самобытности представлялось опасным в свете иницируемых интеграционных процессов. В этой области позитивное знание вытесняется идеологемами бесклассового общества, братства народов, интернационализма, социалистического содержания, воплощаемого в национальную форму, и т. п. Неизбежная в такой ситуации идеология опасности со стороны внешних и внутренних врагов способствовала существенному упрощению представлений о культуре. Ленинское высказывание о двух культурах – буржуазной и демократической – на долгое время стало догмой при рассмотрении и оценке культурных феноменов.

Социально-экономические факторы. Положение России в мировом экономическом пространстве существенно ослабилось. Российская продукция утратила былую конкурентоспособность на мировом рынке из-за резкого снижения качества рабочей силы, с одной стороны, и тотального государственного регулирования хозяйственной жизни – с другой; замедлились процессы модернизации производства в России; квазимодернизация производства осуществлялась директивным путем и унифицированным образом без учета региональной специфики. Кроме того, резко упростилась – как это обычно бывает в ситуациях тотального кризиса общества – социальная стратификация. Расслоение в СССР целенаправленно осуществлялось в двух направлениях:

В соответствии с системой общественного разделения труда, упрощенной до трех классов: рабочие, крестьяне, интеллигенция (куда относили всех, кто не был рабочим или крестьянином);

В соответствии с заслугами в деле поддержания режима: номенклатурные работники; не относящиеся к ним люди, отмеченные высшими правительственными наградами; все остальные.

Естественно, что в подобных условиях вопросы культурных различий в обществе становились достаточно опасными идеологически. С одной стороны, реальные групповые различия внутри выделенных классов противоречили постоянно повторяющимся лозунгам об их монолитности. С другой стороны, социальные напряжения и трения, постоянно возникающие в стране, не соответствовали идеологеме о движении СССР к состоянию монолитного бесклассового общества. Идеологический контроль над общественными науками препятствовал изучению не только происходящих в стране процессов социокультурной дифференциации, но и такому рассмотрению и интерпретации этих процессов в прошлом, которое противоречило установленным догматам в их трактовке. По этой причине практически перестали изучаться социокультурные проблемы, обусловленные хозяйственными процессами. Здесь идеологические догматы также предпочитались руководством страны рациональному знанию о том, что происходит в реальных структурах хозяйствования и как это сказывается в сфере культуры.

Социокультурные факторы. Широкие миграционные процессы, порожденные целенаправленным стимулированием перенесения людей из сел в города, привели к росту городов. В России эта волна урбанизации в социально-психологическом смысле была относительно безболезненной. Новые горожане не меняли социального положения, меняя один тип низкоквалифицированного труда на другой. Уровень бедности у них сохранялся, но жизнь в городе была немного более комфортабельной, а труд значительно легче, чем в селе. С другой стороны, активное использование механизма репрессий привело к особым модификациям социальной структуры. По форме система общественного разделения труда и институтов более или менее соответствовала мировым стандартам. По содержанию деятельности они резко отличались от таких стандартов. Репрессии распространились прежде всего на культурные элиты – экономические, политические, правовые, научные, художественные, религиозные. Их освободившиеся в сохранившейся форме социальной структуре места заняли выходцы из низших слоев. Соответственно, такие сложные функции, как управление государством, модернизация производства, законодательство, правоприменение, рациональное познание, требующие высокого уровня профессиональной подготовки и общей культурной компетенции, стали выполняться представителями первого поколения горожан, получивших более чем посредственное образование. Кроме того, наследие в этих областях было небогатым и нуждающимся в модернизации, но представители низших слоев не могли ее осуществить, поскольку не понимали происходящих в мире процессов, не имели соответствующих знаний и навыков.

Таким образом, если изменения социальной структуры после перемены политического режима в России оказались незначительными, то культурные были радикальными и заключались в резком упрощении культурного содержания общественной жизни. К этому следует добавить целенаправленное блокирование внешней информации, поскольку работа с ее нарастающими объемами и многообразием была не по силам людям, чья культурная компетентность ограничивалась рамками низших классов. Итак, уничтожение культурных элит во многом способствовало реставрации традиционных культурных форм, таких, как миф, идеология, проповедь, символ веры, культ предков, предание и т.п.

Разумеется, в таких условиях рациональное знание о культуре оказалось ненужным и невозможным. Культурные феномены оставались предметом художественного и исторического рассмотрения и в обоих случаях носили партикуляристский (описание отдельных случаев), а не генерализирующий (рациональное обобщение) характер. Ни в философии, ни в науке искусственный мир человека, культура в этот период не были специально выделены как познавательные области.

Внутринаучные факторы. Резкое снижение уровня культурной компетентности людей, функции которых в обществе были связаны со специальным познанием общества и культуры и трансляцией соответствующих знаний, привели к упрощению институциональных структур такого познания. Знания об обществе и культуре были сконцентрированы в традиционных познавательных областях – философии, истории, археологии, этнографии, каждая из которых имела не более одного-двух официально санкционированных направлений. Эти области познания приобрели название философских и гуманитарных наук, тем самым подчеркивалось отсутствие необходимости специального статуса социальных наук, с одной стороны, и, с другой, к рангу научного знания приравнивалась гуманитарная эссеистика. Люди, прочно занявшие свои места в этом культурном порядке и непривычные к сложным рациональным познавательным процедурам, заблокировали проникновение в отечественную культуру социально-научного знания с его последовательно дифференцирующейся структурой, все более прагматизирующимися функциями, расширением общенаучной методологической базы. В период консервативной традиционалистской реакции внутренние предпосылки для развития рационального, научного познания культуры отсутствовали.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что традиционалистская реакция на разрушение монархии в России сделала невозможной модернизацию социально-научного знания. Во-первых, резко снизился и до того не высокий уровень профессиональной и общекультурной компетенции специалистов, изучающих культуру. Во-вторых, закрытость общества, идеологическое давление, репрессии, связанные с по-

пытками сохранить империю, препятствовали дифференциации знаний о культуре внутри страны и их диффузии с внешними. В-третьих, в этих условиях запроса на такое знание не существовало ни от властей, ни от широкой общественности, довольствовавшейся мифологическими и идеологическими формами знания, а также индивидуальным практическим опытом настолько, что эти культурные формы приобрели статус высших ценностей социалистического общества.

Советский период после второй мировой войны. В этот период отчетливо прослеживаются две основные тенденции в динамике социально-научного познания в общем и в изучении культуры в частности. С одной стороны, продолжают существовать сложившиеся на предыдущем этапе модели познания культуры в областях философии, филологии, археологии, истории, где происходит накопление эмпирического знания и фактов, которые все менее укладываются в простые идеологические формы интерпретации. С другой стороны, усиливается диффузия знаний об обществе и культуре, имеющих к этому времени в иных странах. Глобальные изменения, характерные для послевоенного периода, затронули и Россию (СССР), что повлекло за собой необходимость перехода от мифологического к более рациональному осмыслению культурных процессов, происходящих в обществе.

Политические факторы. Необходимость поддержания геополитического статуса СССР как великой державы в меняющихся условиях побудила советское руководство переосмыслить стратегию в сфере внешнеполитических отношений, что привело к некоторым поверхностным переменам в политической культуре, по крайней мере, на уровне руководства страны. Продолжение противостояния СССР развитым странам после союзничества в период второй мировой войны потребовало усложнения отечественного идеологического дискурса. Жесткая конфликтная лексика сменилась категориями соперничества, что означало признание правомерности существования капиталистического мира, хотя и с отрицательной оценкой этого факта. Изменившаяся идеологическая стратегия предполагала постоянную критику соперника на мировой арене, это имело определенные последствия, связанные с усилением прежней идеологической модели. Во-первых, критика в условиях интенсивного развития средств массовой информации предполагала уже не традиционную безоглядную брань, но определенное знание о том, что реально происходит в развитых странах. Это знание извлекалось из текстов квалифицированных западных журналистов и обществоведов. Соответственно, приходилось пользоваться и их лексическими единицами, поскольку в отечественной философии и гуманитарном словаре не было категорий и понятий, отразивших изменения, произошедшие в концептуализации общества и культуры за первую половину XX века. Новые социокультурные реалии осваивались через язык социальных наук и политической журналистики, хотя и примитивно. Необходимость критики вынуждала идеологов, работающих в гуманитарных областях, стараться понять, о чем идет речь в политически и социально ориентированных текстах, и искать опровергающую аргументацию. Соответственно с конца 1960-х гг. началось активное освоение западной социально-научной культуры, которая с послевоенного периода стала широко распространяться через средства массовой информации.

Социально-экономические факторы. Послевоенный период вплоть до конца 1980-х годов характеризовался медленным массовым повышением уровня качества жизни. Гигантские строительные проекты, быстрое расширение военно-промышленного комплекса при условии внешней закрытости общества обеспечивали такое количество платных рабочих мест, что стали сворачиваться концентрационные лагеря с их бесплатной рабочей силой. Труд оставался низкоквалифицированным, общество бедности продолжало воспроизводиться, но общая социокультурная ситуация начала улучшаться. Постепенно усложняется система социальной стратификации. И, хотя по-прежнему идеологическое общество описывалось с помощью таких понятий, как «рабочий класс», «крестьянство» и «интеллигенция», наиболее интеллектуальная часть общества начала воспринимать его усложнение, благодаря все более проявляющимся культурным различительным признакам (одежда, лексика, способы проведения досуга и другие особенности стиля жизни). Это активизировало интерес к происходящим в стране социокультурным процессам, в частности, к различиям в образе жизни людей, ценностных ориентациях, их культурной компетентности в рамках системы общественного разделения труда.

Социокультурные факторы. Расширение сферы интереса в обществе к происходящим здесь социокультурным процессам сочеталось с увеличением степени информационной открытости. Как уже отмечалось ранее, идеологическое противостояние по отношению к развитым странам породило такой канал диффузии западной культуры, как критика западных («буржуазных») философии, науки, искусства, идеологии, образа жизни. По мере расширения объема информации о западных странах эта критика все более дифференцировалась, поскольку неоднородность западной культуры становилась для ее критиков все более очевидной. С другой стороны, попытки советских политических лидеров вовлечь в сферу своего влияния страны третьего мира обусловили повышение внимания к особенностям их культур. Различные выставки, фестивали, конкурсы, гастроли, переводы литературы развитых и развивающихся стран, информация обо всем этом в средствах массовой коммуникации расширили массовые культурные горизонты. Межкультурные различия стали очевидными для членов общества и постепенно начали восприниматься как естественное положение дел, не заслуживающее реакции нетерпимости и враждебности.

Хотя идеологема двух культур – «демократической» (уже не пролетарской) и «буржуазной» – сохранилась на уровне массовых представлений и обсуждений, связанных с явлениями культуры, даже идеологии приходилось постоянно нарушать узкие рамки этой дихотомии. В то же время идеологическая трактовка социокультурной ситуации внутри страны оставалась монистической: «единая социалистическая культура», «интернационализм» и т.п. Но и здесь наметились определенные изменения, связанные с тем, что все попытки идеологов трактовать межкультурные различия в СССР в пользу «единства», тем не менее, привлекали внимание к таким различиям, свидетельствовали о признании их фактором культуры. Соответственно, в рамках этнографии демонстрировались различия феноменов народной культуры, в сфере искусствоведения начали подчеркиваться различия в эстетических ориентациях национальных литератур, кинематографов, театров, изобразительных искусств, музыки. Эти различия перестали трактоваться согласно формуле «национальные по форме, социалистические по содержанию», но просто признавались в качестве культурных особенностей. Интерес к ним возрастал на уровне не только обыденных представлений или искусствоведения, но также философии и социологии. Это стало фактором, побудившим представителей общественных наук с 1970-х года включать категорию «культура» в совокупность ключевых философских категорий и формировать новое направление в философии – «теорию культуры».

Вненаучные факторы. Познание человека, общества, культуры в послевоенный период можно охарактеризовать наличием двух основных тенденций: во-первых, поддержанием сложившихся ранее стереотипов, во-вторых, заимствованием представлений из западной философской и социально-научной культуры. От предыдущего периода в этой области сохранились такие черты, как:

- престижность гуманитарного знания и его носителей как трансляторов традиционных культурных ценностей (история, история философии, история искусства);
- идеологизированность знаний о современной социокультурной жизни;
- несистематизированность этнографических данных.

Новые тенденции в познании человека, общества и культуры были обусловлены следующими факторами:

- усложнение социокультурной жизни в стране вызвало необходимость рационализировать и упорядочить представления о ней, что привело к выделению в отдельные области познания социологии и философских теоретических концепций культуры;

- внутренняя дифференциация отечественного обществоведения обусловила формирование специалистов в этих областях знания, дискуссии между которыми привели к более четкому определению и разделению предметов и объектов познания, то есть к установлению междисциплинарных границ;

- в рамках философии «теории культуры» стали постепенно намечаться внутренние границы между философской, гуманитарной и социально-научной ориентацией в познании культуры;

- критика западных социальных наук обусловила диффузию новых для отечественного обществоведения категорий, терминов, представлений об обществе и культуре, характеризующих их различные состояния в прошлом и настоящем.

Вместе с этим в отечественной обществоведческой культуре началась плюрализация представлений о существующих в мировой науке моделях и теориях, относящихся к социокультурной жизни. Вначале были попытки приспособить к этим моделям марксистский понятийный аппарат, а позже категории и понятия из различных направлений западных социальных наук и философии стали самостоятельно существовать наряду с марксистскими.

Во взаимодействии эти тенденции обусловили появление некоторого обширного синкретического познавательного поля, где одновременно сосуществовали множество представлений о культуре, фрагменты разноплановых теорий, разнокачественные категории и в то же время не было оснований для дифференциации и упорядочения этой синкретической смеси. Как и в конце XIX века на мировом уровне, в России в это время дифференциация знаний о социокультурной жизни лишь начала намечаться.

Период с конца 1980-х по 1990-е годы. Этот период характеризуется для социально-научного отечественного знания его установлением в качестве социально значимого компонента культуры.

Политические факторы. Распад СССР и последующий кризис российского общества, неотложность его модернизации породили необходимость рационального осмысления ситуации, ее достоверной диагностики, реалистического определения направленности и способов решения геополитических и внутрироссийских проблем. Стало совершенно очевидно, что политики-«практики» советского образца в условиях открытого модернизирующегося общества не обладают достаточной компетентностью, чтобы оперировать большими объемами экономической, политической, социальной информации. Оказалось также, что советское обществоведение не готово к обобщению представлений о меняющейся социокультурной реальности и обеспечению общественности надежными социокультурными технологиями.

К руководству государством и институциональными структурами в системе общественного разделения труда пришли классические технократы из инженерной и экономической сфер. Однако недостаточность их знаний и навыков социокультурного характера сделали уровень эффективности их решений сравнительно низким. Хотя, благодаря им, в обществе и наметилась тенденция привлечения специалистов из об-

ласти социальных наук – социологии, психологии, политических наук, правоведения, наук о культуре, этнографии – к анализу социокультурных ситуаций и событий в России, к консультациям на правительственном уровне, к разработке и экспертизе государственных программ и проектов.

Изменение геополитического положения России потребовало смены политической доктрины, обновления содержания отношений с развитыми и развивающимися странами. В этой связи усилилась значимость знаний не только о глобальных социальных процессах, но и о межкультурных сходствах и различиях, о культурной обусловленности международных отношений. Наконец, обострение этнических и региональных напряжений в связи с происходящими на территории СССР центробежными процессами обусловило необходимость решать возникающие здесь проблемы более эффективными, чем военные, политическими средствами. Соответственно, настоятельной стала необходимость разработки надежных социокультурных технологий, связанных со смягчением этнических и региональных противоречий. В этой области культурологическое знание становится необходимым дополнением к социологическому, экономическому, политологическому.

Социально-экономические факторы. Экономический кризис в России обусловлен необходимостью структурной трансформации всей хозяйственной системы. Этому препятствует традиционалистская форма организации производства страны с ее монопольными, громоздкими структурами, государственным внеэкономическим способом управления, малой эффективностью, низким уровнем производительности и квалификации рабочей силы.

Вхождение России в среду мировой рыночной экономики предполагает не просто технологическую модернизацию хозяйственных систем, но и изменения структур деятельности и взаимодействия, связанных с процессами жизнеобеспечения. Такого рода преобразования осуществлялись и продолжают осуществляться в других странах. Имеющийся опыт позволяет сделать вывод о неэффективности чисто экономических процессов модернизации без анализа тех социокультурных условий, в которых они осуществляются. Соответственно, существует настоятельная необходимость культурологического анализа факторов, способствующих и препятствующих модернизации российских хозяйственных структур, и включения полученной информации в разработку государственно-экономической политики. Кроме того, культурологический анализ и прогноз необходимы при рассмотрении интенсифицирующихся процессов социального расслоения в России.

Эти процессы многократно описаны, проанализированы и обобщены в мировой социально-научной литературе. Соответствующие данные имеются в российских библиотеках. Однако мировой культурно-антропологический опыт остается в России практически невостребованным, а собственные исследования проводятся недостаточно квалифицированно.

Таким образом, существует социальная необходимость в достоверном знании о социокультурных процессах в стране, обусловленная происходящими социально-экономическими изменениями.

Социокультурные факторы. Движение российского общества в сторону модернизации определяет ускорение социокультурных процессов: происходит частая смена социально значимых событий в пределах жизненного цикла одного поколения, возникает необходимость вносить постоянные корректировки в структуру образа жизни, в содержание профессиональной подготовки. Происходит также усложнение условий социокультурной жизни: в массовом масштабе людям приходится отслеживать и контролировать сразу несколько параметров своей жизни, таких, как удержание рабочего места, поиск дополнительных заработков, ориентация в ассортименте товаров и услуг и ценах на них, политический выбор, отбор источников и содержания социально значимой информации и т.п. Все это обуславливает повышение степени социальной напряженности, связанной с тем, что большинство членов общества не в состоянии контролировать сложную подвижную социокультурную ситуацию.

Привычные стереотипы поведения у старших поколений при воспроизведении оказываются малоэффективными, а переучиваться они не могут и не хотят. Новые, более удачные образцы социокультурной активности пока не сложились. Молодые поколения остаются без социально необходимых знаний и навыков из-за кризиса институтов социализации и инкультурации. Им приходится осваивать социокультурное окружение методом проб и ошибок.

Неподконтрольность существующей проблемной ситуации членам общества порождает тревогу и беспокорство в массовом масштабе, готовность к деструктивному и агрессивному поведению. В этих условиях определение социокультурной ситуации и самоопределение в ней стало индивидуальной проблемой для подавляющего большинства членов общества. Люди пытаются искать социальных лидеров, способных объяснить, что происходит и в каком направлении следует двигаться. Однако сейчас в России нет лидеров, хорошо владеющих эффективными социокультурными технологиями, большинство членов общества не подготовлены к рациональным действиям. Их представления об обществе и культуре, о себе, своем жизненном пути не выходят за пределы мифологии двух типов: исторических и фантастических. В этой ситуации распространение именно научных знаний становится приоритетным направлением культурологических исследований, образования и просвещения.

Внутринаучные факторы. Впервые за XX век в России сформировался социальный запрос на достоверное, не образно-гуманитарное, но научное знание о культуре. С одной стороны, у большинства членов общества есть необходимость знать и понимать, что происходит в обществе, чего можно ожидать и на что можно усиленно влиять, а также как эффективно действовать в динамичной и сложной ситуации. С другой стороны, политическое руководство страны понимает, что без специальных достоверных социально-научных, а не исторических, философских или искусствоведческих знаний о культуре невозможно принимать рациональные политические решения, а без научно обоснованных социокультурных технологий (вместо религиозных заклинаний, эзотерических психопрактик, массовой истерии) невозможна эффективная реализация таких решений. Однако значительное отставание российских социальных наук от мирового уровня имеет результатом то, что лишь единичные ученые могут дать вразумительные ответы на социально значимые вопросы об источниках напряжений в обществе и нарушениях социокультурной идентичности, а также о возможностях урегулирования конфликтов такого типа. Эти знания – сложные, требующие специального освоения – теряются среди множества квазифилософских, идеологических, мифологических, обскурантистских невежественных суждений, являющихся вполне доступными для массового восприятия.

Сегодняшние представления об обществе и культуре в рамках отечественных социальных наук причудливы из-за сочетания исторических мифологем, утопических гуманистических идеологем и заимствованных из разных областей научного познания категорий. Они не базируются на эмпирических исследованиях или рефлексивных гипотетико-дедуктивных рассуждениях.

В России новые направления в научном познании постоянно встречают жесткое сопротивление. Так было с социологией, когда в конце 1960-х годов сторонники исторического материализма и научного коммунизма отрицали ее необходимость, ссылаясь на достаточность собственных познаний. Нестойкость и плохая профессиональная подготовка отечественных социологов, их противопоставление себя западным коллегам, внутренняя борьба за академические места, нежелание овладевать социологическим знанием, хорошо представленным в отечественных библиотеках социально-научными монографиями и периодикой, привели к печальным последствиям. За четверть века существования социологии в послевоенной России здесь нет ни одной собственной общей теории; существуют несколько теорий среднего уровня, не используемых в исследованиях и не входящих в программы высших учебных заведений. В настоящее время то же может произойти и с наукой о культуре. Во-первых, отечественная научная общественность отказалась принять американское название науки о культуре – культурная антропология; французское название – этнология – трактуется здесь в националистическом этнографическом ключе.

Отечественное название – культурология, как всегда, утверждает познавательный синкретизм, смешение в основном философского, гуманитарного и в малых долях социально-научного стилей рассуждений. Отечественная культурологическая общественность охраняет этот синкретизм, поскольку из-за отсутствия надлежащей профессиональной подготовки ее представители таким образом оправдывают свой дилетантизм, выдавая за теорию культуры свои слабые познания в области искусства, религии, истории. Если указанная тенденция сохранится, науку о культуре постигнет участь социологии: останется название, обязательность преподавания в вузах, защита диссертаций, но все это будет на уровне пустой игры словами, как это было в 1970–80-х годах, как это продолжается поныне.

Тем не менее, сегодня имеет смысл подвергнуть анализу поток культурологической литературы и выделить в нем элементы знаний, которые хоть в какой-то степени отвечают социальным и внутри научным потребностям. Они при целенаправленной работе могут стать **точками роста** в развитии фундаментальных **знаний о культуре** и прикладных культурно-антропологических разработок.

Помехи, замедляющие нормальное развитие культурологии. Низкий статус культурологии. Современная культурология, представленная институтами, преподавателями, специалистами, работающими в исследовательских центрах, в сферах управления, организации, консультирования, не имеет достаточно высокого статуса в сравнении с другими дисциплинами. Для этого есть определенные основания. Во-первых, в настоящее время рабочие места культурологов в вузах занимают люди, ранее не проявлявшие интереса к этой дисциплине и занимавшиеся научным коммунизмом, научным атеизмом, историческим материализмом, этикой, эстетикой, историей КПСС и прочими дисциплинами, и поэтому их учебные программы далеки от систематического изучения культуры. Во-вторых, в среде исследователей культуры идут постоянные споры из-за дележа познавательных территорий между историками, философами, искусствоведами, поскольку синкретизм и внутренняя неструктурированность культурологии провоцируют такие споры, а наука о культуре, позволяющая провести более четкие познавательные границы, в стране пока не сложилась.

Недостаточность профессиональных контактов. В настоящее время при недостаточном финансировании науки организация профессиональных контактов исследователей культуры внутри страны и с зарубежными коллегами затруднена. Соответственно, основные нормы этих контактов – конференции, симпозиумы, семинары, а также такие формы профессиональной работы, как полевые исследования, сравнительно-культурные исследования – сведены к минимуму.

Отсутствие профессиональной ассоциации. У культурологов нет собственной профессиональной ассоциации, что препятствует установлению и поддержанию устойчивых профессиональных связей между ними, а также с зарубежными коллегами; это обстоятельство замедляет внутреннюю дифференциацию культурологи, мешает развитию рационального познания культуры, не дает возможности сложиться конвенциональным критериям оценки качества профессиональной деятельности.

Отсутствие специального периодического издания. В стране не существует официально признанного в профессиональной среде специализированного культурологического периодического издания. Это мешает становлению науки о культуре, поскольку существенно сужает круг профессиональных публикаций, обсуждений и дискуссий.

Возможности для стимулирования развития культурологи. Необходимые институциональные шаги. Для развития культурологии на следующей стадии – от разрозненных описаний и деклараций к систематическому, в первую очередь – научному познанию культуры, необходимо принять специальные меры.

Следует более четко отграничить научное познание культуры от философского и гуманитарного, ориентировать отечественную науку о культуре на западные образцы.

Необходимо предпринять институциональные шаги для создания профессиональной ассоциации и специализированного культурологического журнала, что послужит интенсификации контактов между культурологами, выделению науки о культуре в особую область познания в рамках культурологии, формированию более тесных и систематических связей между отечественной и западной наукой о культуре.

Следует стимулировать повышение критериев требований к содержанию и качеству учебных курсов, научных разработок, практической деятельности в области культурологии.

Важно активизировать переводы современной западной научной литературы о культуре самого высокого класса.

Возможные институциональные стимулы развития отечественной культурологии. Как свидетельствует практика, в сегодняшней российской научной среде культурологи оказываются неспособными к культурно-профессиональной самоорганизации, поэтому выделенные выше задачи остаются нерешенными, а состояние культурологии – синкретичным и малоподвижным с точки зрения приращения рационального знания о культуре. По-видимому, необходимо институциональное государственное вмешательство, стимулирующее развитие науки о культуре и, шире, культурологии на мировом уровне. Такая деятельность может осуществляться на уровне Министерства культуры, поскольку в сфере его влияния имеются все необходимые и достаточные предпосылки для стимулирования развития отечественной культурологии.